

почел не делать этого⁴⁹. Возможно, он тоже оправдывался перед обвинением во лжи знаменитыми словами путешественника, жившего позднее: «Я не рассказал и половины того, что видел»*.

В. Паркер

WHAT HERODOTUS WITHHELD.
NOTES ON THE TRANSMISSION OF CIMMERIAN LORE
IN GREEK AUTHORS OTHER THAN HERODOTUS

V. Parker

The author attempts an analysis of information on the Cimmerians in classical sources other than Herodotus. He suggests that these very late sources nevertheless had access to sound information on the Cimmerians (i.e. the name Lygdamis, his death in southeastern Anatolia, and the distinction between two separate Cimmerian incursions in western Asia Minor – all of this is confirmed by contemporary Assyrian sources) which is not in Herodotus who on the whole evinces a curious lack of interest in this people: although he apparently has good sources for information which he does give, he does not seem inclined to utilize them fully. A comparison of Ps.-Scymnus 947–952 with Hdt. IV 12,2 reveals that both authors are using, in the main, the same source, only that Ps.-Scymnus tells us more. The author then tries to suggest channels through which information absent in Herodotus may have reached later authors. Thus, the interminably litigious quarrel of Samos, Miletus, Priene, and Colophon concerning territories which had originally been conquered in the Meliac War provided a venue in which the invasion of Ionia by Lygdamis was discussed, as an inscription from Priene shows. From the same inscription we also learn that many historians had written about this territorial dispute, so some information about Lygdamis and the Cimmerians may have entered the literary traditions in this way. While this dispute does show that there was a general Ionian tradition about the invasion, the detail in some late sources concerning Lygdamis' destruction of the Ephesian temple of Artemis may point toward an additional, specifically Ephesian tradition about the Cimmerians. Finally, the information contained in Ps.-Scymnus (947–952) and in Herodotus (IV 12,2) seems to derive from a Milesian source.

Эллинизм: политическая практика и культурная традиция

© 1998 г.

**ОБ АТРИБУЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ УСАДЕБ
РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ**

В ходе исследования античной хоры Херсонеса Таврического и Ольвийского государства был открыт целый ряд памятников неизвестных ранее типов. В частности, обращают на себя внимание так называемые коллективные усадьбы. При углубленном их изучении с привлечением не только письменных и эпиграфических источников, но и широкого круга данных археологии можно попытаться выяснить некоторые вопросы социального состава населения сельской периферии этих античных центров. Исходя из этого в настоящей работе предпринимается попытка социальной атрибуции обитателей коллективных усадеб, открытых в Северо-Западном Крыму и Нижнем Побужье. В тесной взаимосвязи с ними будут также рассмотрены отдельные вопросы взаимоотношений Херсонеса и Ольвии в раннеэллинистическое время.

⁴⁹ Herod. I. 51. 4 (имя человека, который в надписи неверно приписал приношение Креза спартамцам).

* Перевод А.И. Иванчика.

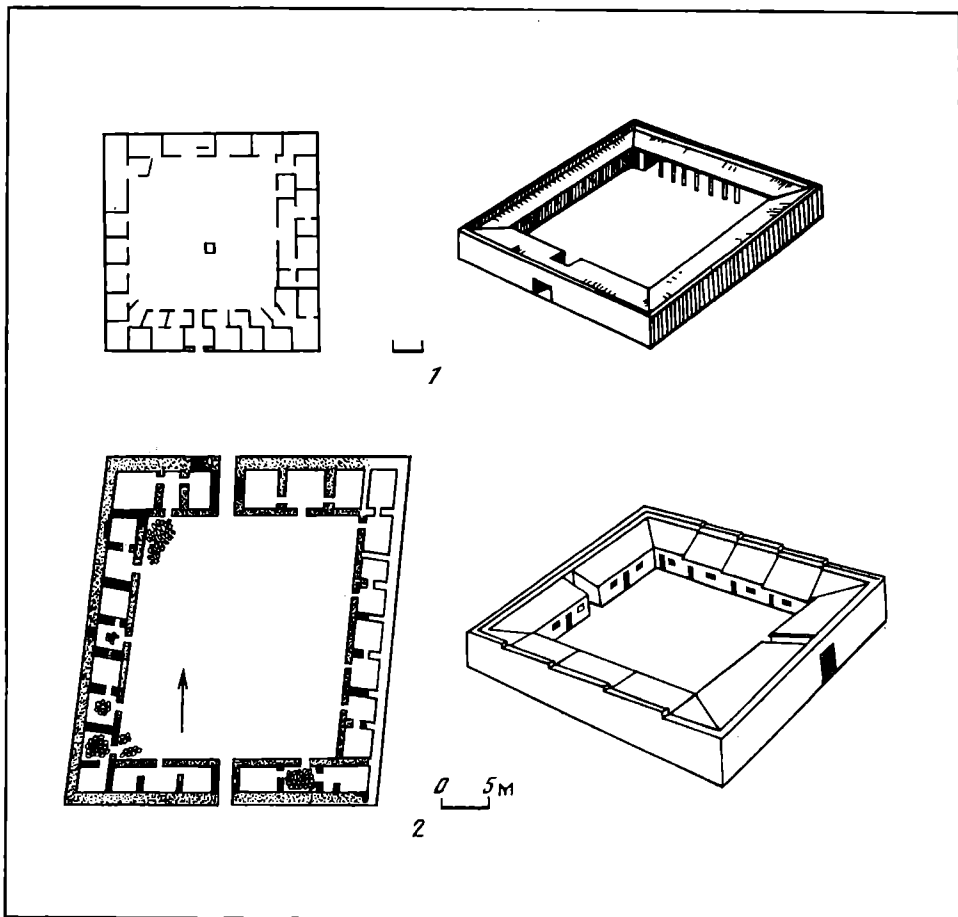

Рис. 1. Коллективные усадьбы: 1 – Панское 1 по А.Н. Щеглову; 2 – Дидова Хата 1 по В.В. Рубану

Раскопками под руководством А.Н. Щеглова на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова в 10 км к северо-востоку от Калос-Лимена (совр. Черноморское) зафиксированы остатки поселения Панское I¹. Рядом с поселением открыты фундаменты крупного здания, ориентированного почти по сторонам света (У-6) (рис. 1, 1). Определенное автором раскопок как усадьба, оно представляло собой квадратную постройку (34,5 × 34,5 м) и занимало площадь около 1200 м². Стены усадьбы сложены из сырцовых кирпичей на каменных цоколях или без них. Наружные стены, вероятно, были глухими. Ворота, расположенные в юго-западной стене сооружения, вели во внутренний двор, площадь которого около 600 м². В центре двора в скале вырублен колодец. По периметру располагались помещения, выходы из которых обращены в сторону двора. Первоначально здесь существовало 24 помещения в один ряд, несколько позднее с юго-западной и юго-восточной сторон двора был возведен еще один ряд помещений, что увеличило их общее количество до 35. Судя по расположению входов, все помещения были сгруппированы в блоки, количество которых составляло 20–21 (рис. 1, 1). Вдоль северо-восточной стороны двора, очевидно, был возведен навес на деревянных столбах. По основаниям лестниц и другим данным А.Н. Щеглов предположил, что здание было двухэтажным с высотой стен

¹ Щеглов А.Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху // КСИА АН СССР. 1970. 124. С. 20–22.

около 6 м. В западном его углу два помещения занимали общие для всей усадьбы святилища². Описанный комплекс построен в последней четверти IV в. до н.э. и погиб в сильном пожаре в первой трети III в. до н.э.³

Блочная структура комплекса позволила А.Н. Щеглову сделать вывод, что к моменту гибели здесь жило 16–18 «коллективов», скорее всего семей, которые различались своим имущественным и, видимо, социальным положением⁴. Автор раскопок не решился более конкретно атрибутировать статус населения Панского I – У-6, но справедливо предположил, что обитатели этого комплекса были членами одного хозяйства, которое специализировалось на производстве сельскохозяйственной продукции⁵. Иными словами, можно констатировать, что в Северо-Западном Крыму после включения его в состав Херсонесского государства возникает комплекс усадеб⁶, где жила группа населения, отличавшаяся по статусу от жителей поселения последней четверти IV – первой трети III в. до н.э.

Анализируя комплекс У-6, А.Н. Щеглов указал, что по плану и размерам он близок усадьбе херсонесского надела № 25, хотя и не делал из этого далеко идущих выводов⁷. В противоположность ему некоторые исследователи абсолютизировали это наблюдение⁸, что вряд ли можно признать правомерным. Усадьба надела № 25, раскопанная С.Ф. Стржелецким, лишь по формальным признакам (размеры и план) может быть сопоставлена с комплексом У-6 поселения Панское I, так как на Гераклеяском п-ове, вне всякого сомнения, усадьба принадлежала владельцу и являлась центром сравнительно крупного хозяйства⁹, а в У-6 в Северо-Западном Крыму жила группа семей и сама постройка представляла собой коллективную усадьбу, которая рядом весьма существенных признаков, например, отсутствием башни, отличалась от большинства усадеб Гераклеяского п-ова¹⁰.

Исследуя структуру античных поселений Северо-Западного Крыма, А.Н. Щеглов указал, что неукрепленные сельские поселения с рядом стоящими коллективными усадьбами не известны ни в Северном Причерноморье, ни в Средиземноморье эллинистического времени¹¹. Однако это не совсем так: аналогичные коллективные усадьбы, связанные с неукрепленными сельскими поселениями, открыты на хоре Ольвии, что позволяет искать определенные параллели в социально-экономическом развитии Ольвийского и Херсонесского государств в эллинистический период¹². Однако, прежде чем перейти к такому сопоставлению, методически оправданным будет охарактеризовать аналогичные памятники Нижнего Побужья.

В 1973 г. близ неукрепленного поселения Дидова Хата I, расположенного в 28 км к северу от Ольвии, на берегу Бугского лимана были начаты исследования коллективной усадьбы, аналогичной постройке У-6 поселения Панское I (рис. 1, 2). В ходе раскопок выяснено, что это замкнутый прямоугольник с обширным двором в центре площадью 600 м². По периметру двора с внутренней стороны к внешней стене прист-

² Он же. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 80–82. Рис. 39, 40.

³ *Sčeglov A. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (Fouilles de 1969–1985) // DHA. 1987. 13. P. 248, 249. Fig. 20, 21; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 82.*

⁴ *Sčeglov. Op. cit. P. 248.*

⁵ *Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 82.*

⁶ *Sčeglov. Op. cit. P. 21, 22.*

⁷ *Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 80.*

⁸ *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешико В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 121.*

⁹ *Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического // ХСБ. 1961. 6. С. 88–102. Рис. 65.*

¹⁰ *Ср. Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 45; он же. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 160 сл.*

¹¹ *Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 80.*

¹² *Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Ангестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 67. Прим. 8; он же. Политическая история Ольвийского полиса VII–I в. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 183. Прим. 18; *Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев, 1993. С. 72.**

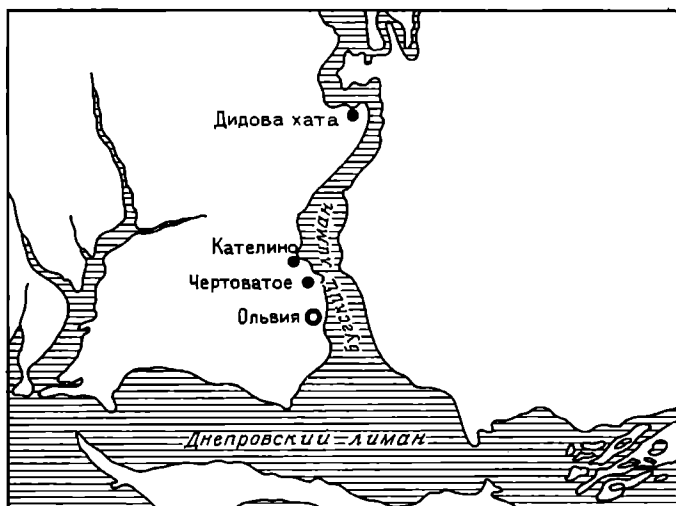

Рис. 2. Схематический план Ольвийского государства с обозначением пунктов, в которых зафиксированы коллективные усадьбы

роено 28 помещений, сгруппированных, судя по дверным проемам, в 12 отдельных жилых блоках. Стены усадьбы построены из сырцовых кирпичей на каменных цоколях. Площадь комплекса составляла 1200 м². Характер находок показывает, что здесь жили люди невысокого имущественного достатка, занимавшиеся сельским хозяйством и рыболовством. Судя по археологическому материалу, коллективная усадьба Дидова Хата I возникла в последней трети IV в. до н.э. и погибла одновременно с другими сельскими поселениями ольвийской хоры во второй четверти III в. до н.э. Причем не исключено, что в районе поселения Дидова Хата I была не одна, а несколько таких коллективных усадеб¹³: зафиксированы разведками, но, к сожалению, пока не раскопаны усадьбы у сел Кателино и Чертоватое¹⁴ (рис. 2).

В.М. Отрешко предположил, что коллективные усадьбы принадлежали миксэллинам, упоминающимся в декрете в честь Протогена, которые якобы были потомками рабов, отпущенных на волю ольвиополитами во время осады города войсками Зопириона. Большинство из них в силу отсутствия средств производства и собственности попали в экономическую зависимость от ольвийских богачей и составляли население коллективных усадеб типа Дидова Хата I¹⁵. Исходя из практики освобождения рабов, вполне возможно, что после освобождения раб по условиям парамонэ какое-то время мог работать на своего бывшего хозяина¹⁶. Однако в данном конкретном случае это маловероятно, так как, согласно Макробию (Sat. I. 11. 33), ольвийские рабы были освобождены в экстремальных для полиса условиях, что уже само по себе предполагает получение ими юридических прав, как у метеков. Иными словами, после освобождения они должны были стать свободным, но не полноправным населением Оль-

¹³ Рубан В.В. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА АН СССР. 1978. 156. С. 34 сл.; он же. Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 37–39. Рис. 3; Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 120 сл.

¹⁴ Рубан. Проблемы исторического развития... С. 42; Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990. С. 56, 57, 61; Крыжицкий. Жилые дома... С. 45.

¹⁵ Отрешко В.М. З історії Ольвійського поліса в VI–I ст. до н.е. // Археологія. 1982. 41. С. 40–42; он же. О миксэллимах // Материалы III Всесоюзного симпозиума «Эллинизм и Причерноморье». Тез. докл. Тбилиси, 1982. С. 82; Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 149.

¹⁶ Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 145–172.

вийского государства¹⁷. Поэтому нет никаких оснований видеть в рабах, освобожденных в ходе осады Зопириона, колоннов или же говорить об их рекрутировании для жизни в коллективных усадьбах¹⁸.

Точка зрения В.М. Отрешко была подвергнута справедливой критике. В частности, В.В. Рубан отметил, что представление В.М. Отрешко о значительном количестве коллективных усадеб на хоре Ольвии, а следовательно, и его подсчеты, ошибочны. Кроме этого, миксэллины декрета в честь Протогена – это население, жившее в пограничных районах Ольвийского государства, что плохо согласуется с топографией коллективных усадеб, которые в настоящее время известны на хоре Ольвии¹⁹. Исходя из этого нет никаких оснований говорить о сколько-нибудь насильственном расселении рабов, отпущенных на свободу в ходе осады Зопириона, в коллективных усадьбах²⁰. Предпочтительнее поэтому точка зрения Ю.Г. Виноградова, согласно которой эти памятники оставлены зависимым военно-земледельческим населением типа клерухов, катеков или перизков, посаженных на землю для охраны границ государства²¹. Этот вывод хорошо согласуется с практикой расселения военных поселенцев на землях в период эллинизма, следовательно, можно ожидать аналогичные или сходные поселенческие структуры на обширных пространствах эллинистического мира. Но коллективные усадьбы рассматриваемого типа известны пока только в Северном Причерноморье, а с клерухами, катеками и перизками эллинистических государств, в том числе и в Северном Причерноморье, можно связывать пока сельские поселения иных типов, отличающихся по планировочному решению от коллективных усадеб Нижнего Побужья и Северо-Западного Крыма. Кроме того, клерухи, катеки и перизки являлись свободным, но неполноправным населением эллинистических государств. При их расселении в том или ином районе им верховным собственником земли передавался в пользование надел, за что они должны были платить десятину и участвовать в защите государства²². Не отрицая наличия на хоре Ольвии аналогичных категорий населения, которые могли проживать в неукрепленных поселениях, особенности планировочного решения коллективных усадеб не позволяют видеть в их обитателях социальную группу, близкую клерухам, катекам или перизкам.

Коллективные усадьбы рассматриваемого типа, насколько можно судить по имеющимся данным, тесно связаны с одновременными неукрепленными поселениями и имеют общие с ними некрополи²³, что позволило В.В. Рубану ввести в научный оборот специальный термин «сельские агломерации»²⁴. В настоящее время можно говорить, что коллективные усадьбы тесно связаны с сельскими поселенческими структурами как на хоре Ольвии, так и на хоре Херсонеса. Однако планировочное

¹⁷ Ср. *Diod.* XII. 48. 7. Подробнее см. *Robert L. Etudes épigraphiques et philologiques.* P., 1938. P. 118–126.

¹⁸ *Отрешко.* О миксэллинах... С. 82.

¹⁹ *Рубан В.В.* Проблемы исторического развития... С. 42; ср. *Виноградов.* Политическая история... С. 183. Прим. 18; *Снытко И.А.* Еще раз о миксэллинах Ольвийского декрета в честь Протогена // Тез. докл. Международной конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, 1994. С. 175–178.

²⁰ Подробнее см. *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 72.

²¹ *Виноградов.* Политическая история... С. 183. Прим. 18; ср. *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 74.; *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального Херсонесского государства // *Эллинизм: Экономика, политика, культура.* М., 1990. С. 328.

²² *Зельин К.К.* Земли клерухов в Керксосирисе по данным Тебтунисских папирусов // ВДИ. 1948. № 3. С. 42–44; *он же.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н.э. М., 1960. С. 197–218; *Свенцицкая И.С.* Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3. С. 91–103; *она же.* К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1966. № 2. С. 48–52; *Голубцова Е.С.* Сельская община Малой Азии. М., 1972. С. 14–40; *Сапрыкин С.Ю.* Рец.: *Cohen G. The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization.* Wiesbaden, 1978 // ВДИ. 1987. № 1. С. 243–250.

²³ *Рубан.* Комплекс памятников античного времени... С. 34; *Щеглов.* Северо-Западный Крым... С. 46–49.

²⁴ *Рубан.* Проблемы исторического развития... С. 39.

решение коллективных усадеб, полностью исследованных у поселений Дидова Хата I и Панское I, вне всякого сомнения, позволяет говорить о расселении здесь каких-то сравнительно небольших коллективов из не более чем двух десятков малых семей, которые вели свое хозяйство, но были объединены единым местом проживания и, видимо, близкими религиозными представлениями²⁵.

В отличие от большинства неукрепленных поселений ольвийской хоры эллинистического времени, территория которых была застроена наземными безордерными сырцово-каменными домами с развитой планировкой квартального типа²⁶, коллективные усадьбы отличались от них «казарменной» планировкой однотипных помещений без ярко выраженного доминирования какого-либо одного блока²⁷. Это позволяет предполагать, что в коллективных усадьбах проживали какие-то зависимые группы населения. Причем скромный достаток обитателей, граффити с греко-варварскими именами из коллективной усадьбы Дидова Хата I²⁸ и комплекс лепной керамики, представленный главным образом посудой нижнеднепровских форм, а также единичными сосудами с врезным гребенчатым орнаментом из поселения Панское I – У-6²⁹, с известной долей вероятности свидетельствует, что в таких усадьбах проживало негреческое население, которое, однако, подвергалось значительной эллинизации. Вместе с тем характер планировочного решения коллективных усадеб Дидова Хата I и Панское I – У-6, резко отличающийся от большинства известных в настоящее время памятников сельской округи Ольвии и Херсонеса, позволяет говорить об определенной целенаправленной политике по сооружению таких усадеб в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму. Это хорошо согласуется с выводом об определенной регламентации, которая имела место в Ольвийском и Херсонесском государствах при освоении сельскохозяйственных территорий в эллинистический период³⁰.

Следовательно, строительство коллективных усадеб и расселение в них определенных групп населения должно было вестись в интересах и при активном участии их гражданских коллективов. Итак, исходя из имеющихся в настоящее время материалов, можно констатировать, что коллективные усадьбы свидетельствуют о присутствии на хоре Ольвии и в Северо-Западном Крыму в последней трети IV – первой трети III в. до н.э. некоторых групп социально зависимого населения, видимо, негреческого происхождения, расселение которого осуществлялось при участии государства. Об этом, в частности, свидетельствует расположение неукрепленных сельских поселений близ такого рода усадеб.

Характер построек типа коллективных усадеб и наличие у их жителей определенного имущества не позволяют видеть в них рабов классического типа, полностью лишенных не только личной свободы, но и средств производства³¹. В данном случае, очевидно, можно предполагать, что обитатели коллективных усадеб обладали, по крайней мере частично, средствами производства и имуществом. А это в свою очередь позволяет заключить, что они лишь частично находились в личной зависимости от собственника средств производства³². Расположение коллективных усадеб рядом с неукрепленными поселениями, вместе с которыми они составляли сельские агломе-

²⁵ Гилевич А.М. О культуре Сабазия в Херсонесе // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Тез. докл. Л., 1963. С. 35 сл.; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 80.

²⁶ Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 102 сл.

²⁷ Виноградов, Щеглов. Образование... С. 228; Крыжицкий. Античная архитектура... С. 161.

²⁸ Виноградов Ю.Г. Варвары в просопографии Ольвии VI–V в. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 145. № 14; Рубан. Проблемы исторического развития... С. 41 сл.; Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 151.

²⁹ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 82.

³⁰ Отрешко. З історії... С. 36–38; Рубан. Проблемы исторического развития... С. 33–36; Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 99 сл.; Виноградов, Щеглов. Образование... С. 313 сл.; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 24–28.

³¹ Зельин, Трофимова. Ук. соч. С. 29, 37 сл.

³² Там же. С. 42 сл.

рации, позволяет говорить, что именно такие поселения были центрами каких-то неясных административных районов Ольвийского и Херсонесского государств³³, на которые возлагался контроль за распоряжением и использованием земель – главным средством производства в античном мире. Сказанное, как представляется, позволяет более или менее надежно атрибутировать статус зависимого населения, проживавшего в коллективных усадьбах на хоре Ольвии и в Северо-Западном Крыму, учитывая, что классическое рабство в различных регионах античного мира в эллинистический период было лишь одной из форм зависимости, но далеко не единственной и не главной³⁴.

«Казарменная» планировка коллективных усадеб и наличие у жителей определенного имущества, в том числе и средств производства, позволяют видеть в них одну из категорий зависимого, в основном негреческого населения, главными занятиями которого были сельские хозяйство и рыболовство. Вместе с тем расположение коллективных усадеб рядом с неукрепленными сельскими поселениями не позволяет видеть в их обитателях собственников или держателей земли. Скорее всего жители таких усадеб лишь обрабатывали землю, собственником которой было население, жившее в неукрепленных поселениях ольвийской хоры, или же ольвийская гражданская община. При этом последнее представляется более вероятным, так как сам факт возведения однотипных усадеб на территории Ольвийской хоры предполагал определенную роль государства в строительстве таких комплексов в различных районах Нижнего Побужья. Это в свою очередь позволяет говорить, что жители коллективных усадеб зависели не столько от населения близлежащих неукрепленных поселений, сколько от ольвийской гражданской общины в целом. Бесспорная связь коллективных усадеб с неукрепленными сельскими поселениями позволяет предполагать некоторую степень контроля со стороны последних за рассматриваемой группой зависимого населения, которая скорее всего должна была передавать Ольвийскому государству, являвшемуся верховным собственником земли, часть продукции сельскохозяйственного производства.

Если ход наших рассуждений верен, то жители коллективных усадеб могут быть с полным основанием отнесены к зависимому населению типа илотов. Зависимость типа илотии хорошо известна в античном мире и, исходя из формы хозяйственного использования работника и способа соединения его с условиями и средствами производства, она не может рассматриваться в качестве разновидности рабства классического типа³⁵. Зависимость типа илотии чаще всего возникала там, где имел место процесс подчинения греками местного населения. Однако в ряде случаев она, вероятно, могла возникать и на основе договора, если определенная группа населения по взаимному соглашению становилась зависимой от собственника основного условия производства – земли³⁶. И в результате завоевания, и в результате добровольного подчинения эта социально зависимая группа имела право владеть имуществом, определенными средствами производства и вступать в брак, она должна была выплачивать верховному владельцу земли определенную часть собранного урожая за право пользования земельными угодьями³⁷. Этим илоты отлича-

³³ Ср. Сапрыкин С.Ю. Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований // Проблемы истории античной гражданской общины. М., 1982. С. 35; Виноградов, Щеглов. Образование... С. 328.

³⁴ Pippidi D.M. In jurul relatiilor agrare din cetățile în epoca preromana // Contribuții la istoria Veche a României. București, 1958. p. 74–112; Зельин, Трофимова. Ук. соч. С. 7 сл.; Finley M.J. The Ancient Economy. Berkley–Los Angeles, 1973. P. 69.

³⁵ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 73–75.

³⁶ Казиманова Л.Н. Очерки социально-экономической истории Крита V–IV вв. до н.э. М., 1964. С. 20, 110 сл., 117.

³⁷ Шмидт Р.В. Из истории Фессалии // Из истории античного общества. ИГАИМК. 1934. 101. С. 77, 86; Колобова К.М. Войкеи на Крите // ВДИ. 1957. № 2. С. 26, 41 сл.; Шишова И.А. О статусе пенестов // ВДИ. 1975. № 3. С. 40, 44 сл.; Lotze D. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV. Jahrhundert v. Chr. В., 1959. S. 16, 32, 47.

лись от рабов классического типа, поэтому Поллук помещает илотов и аналогичные категории зависимого населения между рабами и свободными (Poll. III. 83; Steph. Byz., s.v. $\chi\iota\omicron\varsigma$)³⁸.

Как следует из приведенного анализа археологического материала, жителей коллективных усадеб в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму есть основания рассматривать в качестве зависимой группы населения типа илотов, которые за право обработки земли выплачивали определенный форос. Причем наличие рядом с коллективными усадьбами неукрепленных поселений позволяет заключить, что именно их жителями осуществлялся надзор за своевременной выплатой государству определенного количества сельскохозяйственной продукции, так как институт илотии предполагает определенные формы контроля, который не мог осуществляться лишь экономическими методами³⁹.

В настоящее время трудно сказать, в результате каких конкретно-исторических событий на хоре Ольвии появляется зависимое население типа илотов. Однако, учитывая, что такие коллективные усадьбы возникают в последней трети IV в. до н.э. и в археологических комплексах присутствует лепная керамика варварских типов, можно предположить тесную связь появления этой категории населения с оседанием на землю части кочевых скифов. В настоящее время установлено, что именно в IV в. до н.э. в скифском обществе усилился процесс имущественной дифференциации, в результате которого обедневшая разорившаяся часть кочевников активно стала переходить от скотоводства к земледелию⁴⁰. Не исключено, что скифы, оказав определенную помощь ольвиополитам в отражении нашествия войск Зопириона⁴¹, могли рассчитывать на расселение своих обедневших соплеменников на землях Ольвийского государства⁴². Конечно, с полной уверенностью об этом сейчас говорить трудно, но и исключать такое развитие событий нельзя, если исходить из довольно тесных и разносторонних контактов, которые поддерживал город со скифами на протяжении V–VI вв. до н.э.⁴³. Вместе с тем, судя по археологическому материалу, негреческое в своей основе население коллективных усадеб подверглось достаточно быстрой эллинизации. Это в значительной мере может объясняться определенными изменениями хозяйственного уклада и влиянием греческого окружения, стоявшего на более высокой ступени социально-экономического развития.

Говоря о наличии на хоре Ольвии в эллинистическое время зависимого населения типа илотов, следует, вероятно, обратиться к тексту декрета в честь Протогена, который дает дополнительные, хотя и косвенные аргументы в пользу сделанного вывода. Там сказано, что в тяжелое для города время «все рабы ($\omicron\iota\kappa\epsilon\tau\epsilon\iota\alpha$) и пограничные миксэллины числом не менее 1500, бывшие в прошлую войну союзниками, в городе были совращены врагами»⁴⁴. Оставляя в стороне спорный вопрос об интерпретации миксэллинов⁴⁵, обратимся к анализу термина $\omicron\iota\kappa\epsilon\tau\epsilon\iota\alpha$ декрета в честь Протогена, который, согласно Ю.Г. Виноградову, датируется 220–210-ми годами до н.э.⁴⁶

³⁸ Ср. Lotze. Op. cit. S. 26.

³⁹ Дьяконов И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4. С. 20; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 73.

⁴⁰ Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. С. 103; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975. С. 152 сл., 239 сл.; Бунятян К.П., Бессонова С.С. Проектний процес на Європейському Боспорі // Археологія. 1990. № 1. С. 24.

⁴¹ Виноградов. Политическая история... С. 151. Прим. 57.

⁴² Именно ко времени после осады Зопириона Ю.Г. Виноградов относит значительный приток в город чужеземцев и зависимого населения (Политическая история... С. 176. Прим. 140).

⁴³ Там же. С. 90–109.

⁴⁴ IOSPE. I². № 32, Здесь и далее перевод В.В. Латышева.

⁴⁵ Шафранская Н.В. О миксэллинах // ВДИ. 1956. № 3. С. 37–48; Отрешико. З історії... С. 40–42; Виноградов. Политическая история... С. 182. Прим. 18; Снытко. Ук. соч. С. 175–178.

⁴⁶ Виноградов. Политическая история... С. 182. Прим. 16. О разногласиях по поводу датировки декрета см. Русяева А.С. Протоген Ольвійський // Археологія. 1993. № 2. С. 14 сл.

К.К. Марченко вслед за Д. Пиппиди считал возможным относить ойкетов декрета в честь Протогена к одной из категорий зависимого населения негреческого происхождения, проживавшего где-то на хоре Ольвии. Причем К.К. Марченко подчеркнул, что ойкетия означает зависимость весьма широкого диапазона и ойкетов, видимо, нельзя рассматривать в качестве рабов классического типа⁴⁷. Однако с таким заключением не согласился Ю.Г. Виноградов, который отметил, что ввиду малой информативности контекста декрета, в котором упоминаются ойкеты, в настоящее время нельзя однозначно видеть в них зависимое население, проживавшее на хоре. Поэтому он отдает предпочтение традиционному пониманию этого термина как «совокупности рабов». Помимо этого Ю.Г. Виноградов подчеркнул, что видеть в ойкетах зависимое население Ольвийского государства нельзя еще и потому, что «описанные в нем события, как минимум, на четверть века позже времени практически полного исчезновения хоры Ольвии»⁴⁸. Пытаясь примирить указанные точки зрения, А.С. Русяева видела в ойкетах декрета в честь Протогена «независимую от Ольвии, численно небольшую общность (этническую) варварского происхождения, получившую у населения города нарицательный топоним, очевидно, потому, что из их среды в Ольвию поступали домашние рабы»⁴⁹. Таким образом, толкование термина «ойкеты» ольвийского декрета в честь Протогена вызвало дискуссию, что и заставило нас вновь обратиться к интерпретации этого места надписи.

Рассматривая контекст декрета, в котором речь идет об ойкетах, следует подчеркнуть, что в нем сначала говорится о событиях в Ольвии, где «многие были в отчаянии и приговорились покинуть город», а далее отмечается: «Вместе с тем в стране (χώρα) случилось много и других печальных событий», в том числе «сворачивание» ойкетов и миксэллинов. Из этого отрывка, вне всякого сомнения, можно сделать вывод, что ойкеты, как и миксэллины, находились где-то за пределами города, что и позволило врагам их «свернуть»⁵⁰. Поскольку ко времени издания декрета в честь Протогена хора Ольвии уже не существовала и поэтому в ойкетах нельзя видеть зависимое население ее округа, то, как представляется, настаивать на этом категорически сейчас вряд ли возможно. Судя по тексту декрета, нельзя с уверенностью сказать, на протяжении какого отрезка времени Протоген совершил все те деяния, о которых речь идет в надписи; вне всякого сомнения, этот своеобразный *cursus honorum* выдающегося гражданина Ольвии при всем желании нельзя ограничивать более или менее кратким отрезком времени. Скорее всего в декрете нашли отражение благородные поступки Протогена, которые он совершил на протяжении большей части своей жизни. Поэтому, вероятно, можно согласиться с К.К. Марченко, что дата издания декрета является лишь *terminus ante quem* для ольвийской ойкетии, которая, вероятно, существовала вплоть до гибели сельских поселений правого берега Бугского лимана⁵¹. Сейчас трудно сказать, когда именно гибнут эти поселения, но, видимо, это произошло где-то около середины – третьей четверти III в. до н.э.⁵² Значит, события, изложенные в декрете в честь Протогена, охватывают как минимум 30–40 лет ольвийской истории⁵³, и он мог отражать положение на хоре Ольвии незадолго до ее гибели.

Полисемантическое значение термина ἡ οἰκετεῖα также не позволяет видеть в

⁴⁷ Марченко К.К. Ойкеты декрета в честь Протогена (IOSPE I². № 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 242–256.

⁴⁸ Виноградов. Декрет в честь Антестерия... С. 66. Прим. 41; он же. Политическая история... С. 178. Прим. 5.

⁴⁹ Русяева А.С. К вопросу о некоторых этнических общностях декрета в честь Протогена // Древнее Причерноморье. Одесса, 1993. С. 100.

⁵⁰ Зуц В.Л. Громадянська община ольвіополітів догетського часу // Археологія. 1975. 16. С. 46; Русяева. Протоген... С. 14–15.

⁵¹ Марченко. Ук. соч. С. 247.

⁵² Рубан. Проблемы исторического развития... С. 43; Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 99–101.

⁵³ Русяева. Протоген... С. 15, 19.

ойкетах исключительно домашних рабов, бежавших от своих хозяев⁵⁴. Более того, в ряде случаев ойкеты могут выступать и как свободные люди⁵⁵, поэтому, только исходя из упоминания ойкетов в декрете в честь Протогена, нельзя делать вывод о присутствии рабов классического типа как на хоре, так и в самой Ольвии. До появления нового материала ойкетов декрета в честь Протогена следует интерпретировать в качестве зависимого населения, которое противопоставлялось иностранцам и гражданам.

Это позволяет, с известной долей риска, видеть в ойкетах декрета в честь Протогена жителей коллективных усадеб Ольвийской хоры, которые в силу зависимого положения и негреческого происхождения могли быть «сворачены» врагами ольвийской гражданской общины. Если под ойкетами декрета в честь Протогена понимать жителей хозяйств – ойкои, которые археологически представлены коллективными усадьбами, то их следует определять как зависимое негреческое население типа илотов, а не рабов классического типа, которые подвергались эксплуатации не частными лицами, а Ольвийским государством. Однако безотносительно к окончательному решению вопроса об исторической атрибуции ойкетов декрета в честь Протогена необходимо подчеркнуть, что в настоящее время как эпиграфические, так и археологические памятники позволяют говорить о наличии на хоре Ольвии определенных социально зависимых слоев сельскохозяйственного населения, в которых совершенно не обязательно видеть рабов классического типа. Иными словами, как и в других регионах эллинистического мира, население Ольвии было сложнодифференцированным и наряду с гражданами, ксенами и вольноотпущенниками⁵⁶ на ее хоре жили социально зависимые группы, одной из которых и были обитатели коллективных усадеб, близкие по своему статусу илотам.

И, наконец, следует коснуться довольно сложного вопроса о том, с чем связано наличие однотипных коллективных усадеб на хоре Ольвии в Нижнем Побужье и на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму, возникновение которых, судя по археологическому материалу, близко по времени и относится к последней трети IV в. до н.э. С одной стороны, однотипные памятники позволяют говорить о наличии в указанных регионах близкого по социальному статусу населения⁵⁷, а с другой – нетипичность таких усадеб на ближней и дальней хоре Херсонеса заставляет связывать их появление в Северо-Западном Крыму с переселением в этот район определенной группы населения из Нижнего Побужья. Не претендуя на окончательное решение вопроса о причинах появления коллективных усадеб на хоре Херсонесского государства, хотелось бы предложить один из возможных путей решения этой чрезвычайно интересной проблемы.

Сейчас установлено, что в процессе колонизации Северного Причерноморья в Западном Крыму на месте нынешней Евпатории не позднее второй половины VI в. до н.э. была основана Керкинитида. Весь комплекс материалов, полученных в ходе широкомасштабных археологических исследований небольшого греческого города, проведенных в последнее десятилетие, свидетельствует, что ядро первопоселенцев здесь составляли греки-ионийцы, появление которых, очевидно, связано с миграционным потоком после разгрома персами ионийских городов в 545 г. до н.э.⁵⁸ На основании находок в Керкинитиде V в. до н.э. так называемых «монет-стрелок»,

⁵⁴ Марченко. Ук. соч. С. 248–250; ср. Колобова К.М. Термин ΟΙΚΕΤΗΣ у Фукидида // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л., 1963. С. 187–202; Ленцман Я.А. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов // ВДИ. 1953. № 2. С. 51–54; Казакевич Э.Л. Термин и понятие «раб» в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1956. № 3. С. 120 сл.; Зельин, Трофимова. Ук. соч. С. 40 сл., 47.

⁵⁵ Ленцман. Ук. соч. С. 55; ср. Виц-Маргулес Б.Б. Взгляды Демокрита на социально-политическую организацию общества // ВДИ. 1988. № 2. С. 155 сл.

⁵⁶ Ср. Зуц. Ук. соч. С. 37–48.

⁵⁷ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 72 сл.

⁵⁸ Кутайсов В.А. Античный город Керкинитиды. Киев, 1990. С. 142 сл.

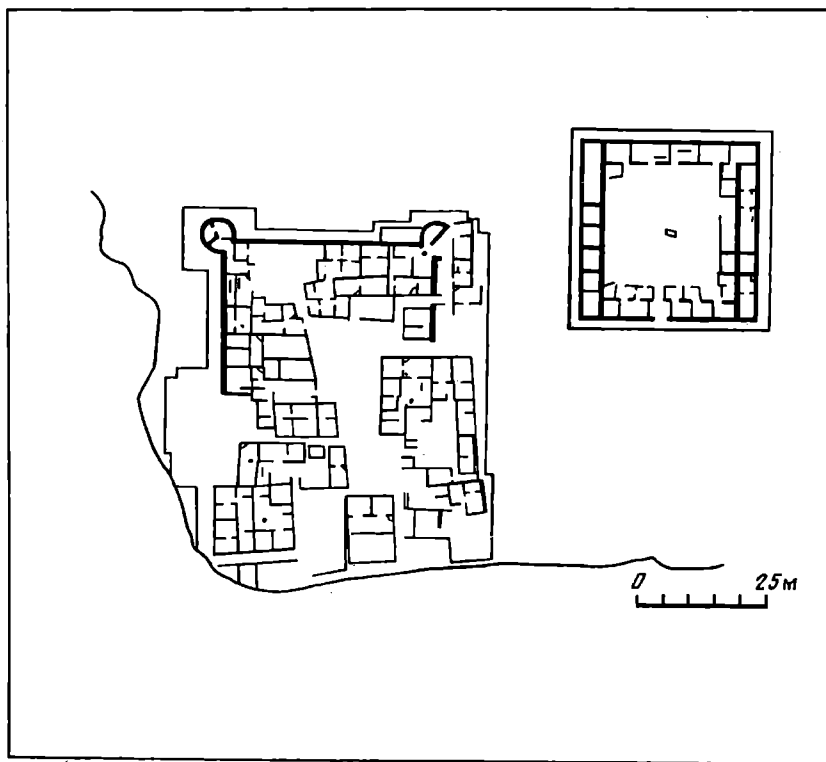

Рис. 3. Неукрепленное поселение Панское I и коллективная усадьба (У-6) в Северо-Западном Крыму по А.Н. Щеглову

значительная группа которых недавно была введена в научный оборот⁵⁹, сделан обоснованный вывод о тесной связи ранней Керкинитиды с античными центрами северо-западного экономико-географического региона Причерноморья и, в частности, с Нижним Побужьем и Ольвией⁶⁰. Несколько позднее, на рубеже V–IV вв. до н.э. в Северо-Западном Крыму на берегу Ярылгачской бухты возникло укрепленное поселение Панское I, появление которого связано с притоком в этот район переселенцев из Нижнего Побужья (рис. 3)⁶¹. О правомерности такого заключения свидетельствует ряд черт погребального обряда, материальной культуры и особенно сосудов второй четверти IV в. до н.э. с граффито – Леократ⁶². Это имя не встречается в просопографии Херсонеса, но хорошо известно в Ольвии, причем, насколько можно судить по имеющемуся материалу, его носители принадлежали к аристократическим слоям населения этого государства⁶³. По мнению А.Н. Щеглова, тогда же возникли Калос-

⁵⁹ Золотарев М.И. Новые материалы о взаимоотношениях Ольвии и Западного Крыма в VI–V в. до н.э. // ВДИ. 1986. № 2. С. 88–93; Кутайсов В.А. Монеты Керкинитиды V в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 46–49.

⁶⁰ Кутайсов В.А. Античный город... С. 145–149. Подробнее о выделении этого района см. Марченко К.К. Северо-Западное Причерноморье античной эпохи (историко-географическое определение) // Петербургский археологический вестник. № 2. С. 6–22.

⁶¹ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 313. Рис. 3.

⁶² Монахов С.Ю., Rogov Е.Я. Керамические комплексы некрополя Панское I // Античный мир и археология. 1990. Вып. 8. С. 144. Табл. 7, М 33, 90.

⁶³ Sčeglov. Op. cit. P. 245; ch. Vinogradov J.G. Der Pontos Euxeinos als politische, oekonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IX-e Congrès International d'epigraphie grecque et latine. V. I. Sofia, 1987. S. 34; Виноградов. Политическая история... С. 147–150.

Лимен, Караджинское городище и первое укрепление на городище Чайка. Все это исследователь связывает с широкой экспансией Ольвии на побережье Северо-Западного Крыма, в ходе которой и была построена небольшая четырехбашенная крепость Панское I⁶⁴.

Исходя из того, что начался процесс освоения Херсонесом земель в Северо-Западном Крыму с середины IV в. до н.э., а крепость Панское I гибнет не позднее середины IV в. до н.э., А.Н. Щеглов сформулировал гипотезу, согласно которой в этом районе столкнулись интересы Ольвийского и Херсонесского государств. В результате военного противостояния Ольвия была побеждена, свидетельством чему являются следы пожаров, разрушений, кенотафы и погребения убитых на некрополе Панское I. После этих трагических событий в ионийские черты культуры населения внедряются дорийские элементы, которые вскоре становятся преобладающими⁶⁵.

Несмотря на всю привлекательность гипотезы о «неизвестной войне», которая позволяет с помощью данных археологии предпринять реконструкцию истории Северо-Западного Крыма, она в настоящее время не может быть подкреплена достаточным количеством материала. Первым на это обратил внимание М.И. Золотарев, который, проанализировав находки ольвийских монет в Херсонесе, пришел к заключению, что утрата Ольвией контроля над землями в Северо-Западном Крыму произошла не в результате военных действий между этими государствами, а по каким-то иным причинам⁶⁶. Кроме того, говоря об ольвийско-херсонесском противостоянии, в первую очередь следует определить его причины. Однако в настоящее время нет совершенно никаких данных по этому вопросу. Скорее, напротив, весь комплекс источников свидетельствует если не о дружеских, то о тесных экономических и культурных контактах этих государств на протяжении IV–II вв. до н.э.⁶⁷

Сейчас не вызывает сомнений тот факт, что вплоть до начала широкого освоения Херсонесом земель в Северо-Западном Крыму Керкинитида ориентировалась на ионийские колонии Северо-Западного Причерноморья, и в частности на Ольвию, о чем наглядно свидетельствуют данные, собранные В.А. Кутайсовым⁶⁸. В связи с этим следует обратить внимание на время возникновения ольвийской крепости Панское I, которое А.Н. Щеглов относит к рубежу V–IV вв. до н.э. Хронологически это совпадает с процессом реколонизации Нижнего Побужья и реорганизацией структуры сельскохозяйственной территории Ольвийского государства⁶⁹. Этот факт не может быть элиминирован, причем, судя по результатам анализа керамического комплекса из некрополя Панское I, подавляющее большинство погребений здесь относится к первым трем четвертям IV в. до н.э.⁷⁰ Следовательно, расцвет жизни на укрепленном поселении Панское I совпадает не только с началом реколонизации Нижнего Побужья, но и с интенсивным освоением приольвийских земель⁷¹. Исходя из этого, очевидно, можно предполагать, что появление в Северо-Западном Крыму какой-то группы выходцев из Нижнего Побужья до широкого освоения этих территорий Херсонесом следует связывать со сложными процессами, протекавшими в Ольвийском полисе. Не исключено, что часть людских ресурсов Ольвии по неизвестным пока причинам не могла быть использована в Нижнем Побужье и была направлена в

⁶⁴ Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 313 сл.

⁶⁵ Там же. С. 323; ср. Назаров В.В. К вопросу об ольвийско-херсонесском конфликте в IV в. до н.э. // Украина – Греція: історія та сучасність. Тези. Київ, 1993. С. 95, 96.

⁶⁶ Золотарев М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в V–II вв. до н.э. по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса, 1989. С. 30. 31.

⁶⁷ Русяева А.С. Економічні та культурно-політичні відносини Ольвії з Херсонесом // Археологія. 1983. Вип. 44. С. 7–13.

⁶⁸ Кутайсов. Античный город... С. 142–149.

⁶⁹ Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 99 с литературой.

⁷⁰ Монахов, Рогов. Керамические комплексы... С. 132; они же. Амфоры некрополя Панское I // Античный мир и археология. 1990. Вып. 7. С. 128–153.

⁷¹ Крыжицкий и др. Сельская округа... С. 99 сл.

Северо-Западный Крым. Здесь находилась дружелюбная Ольвия Керкинитида, с помощью жителей которой и могло быть проведено освоение новых земель. В это время в Херсонесе шло освоение Гераклеяского п-ова и перед гражданской общиной еще не стояла задача расширения земельного фонда путем захвата новых плодородных земель⁷².

Имеющиеся в настоящее время источники свидетельствуют, что между Ольвией и Херсонесом существовали мирные отношения. Ярким показателем этого служит ольвийская проксения начала IV в. до н.э., данная херсонесцу (НО, № 3, 12. С. 15, 16, 23). Как отметил П.О. Карышковский, некий сын херсонесита Пирралиона (или Пирралия) имел право ввозить товары «повсюду», т.е. на всей территории Ольвийского государства⁷³. Правда, судя по тексту проксении, сын Пирралиона не получил право политии в Ольвии. В середине IV в. до н.э. вследствие роста людских ресурсов Херсонесское государство приступает к широкому и долговременному освоению Северо-Западного Крыма⁷⁴. Однако расширение масштабов освоения сельскохозяйственных территорий в этом районе не было простым и безболезненным процессом. Именно к середине IV в. до н.э. относятся капитальная реконструкция всей оборонительной системы Керкинитиды⁷⁵ и сооружение на ее хоре усадеб с круглыми башнями⁷⁶. Видимо, в это же время к западу от Керкинитиды возводится крепость Чайка и строится оборонительная стена Калос-Лимена⁷⁷. Все это свидетельствует о достаточно тревожной обстановке в Северо-Западном Крыму, которая, вероятно всего, связана не столько с херсонесской экспансией, сколько с изменением демографической ситуации и появлением здесь весьма серьезного противника, ставившего под угрозу не только интересы Херсонеса, но и всего греческого населения. В данной конкретной обстановке этим противником могли быть только кочевые скифы, под протекторатом которых какое-то время могла находиться Керкинитида⁷⁸. Это подтверждается не только письменными источниками, но и погребальными памятниками, исследованными в этом районе⁷⁹.

Около середины IV в. до н.э. в Херсонесе и Керкинитиде были выпущены медные монеты, которые, как признано всеми исследователями, типологически и стилистически были взаимосвязаны⁸⁰. Сюжетное единство этих монетных серий, объемных победной символикой, связано с успешным завершением войны, которую вели Херсонес и Керкинитида против какого-то общего противника⁸¹. При этом следует подчеркнуть, что тип монет с головой богини в башенной короне на лицевой стороне и всадника – на оборотной, свидетельствует, по всей видимости, о том, что военная победа в Северо-Западном Крыму была достигнута не без помощи метрополии Херсонеса – Гераклеи Понтийской⁸². Видимо, поражение Гераклеи в борьбе с Боспором за Феодосию привело к сокращению ввоза дешевого хлеба, в котором нуждались гераклеоты. При этом следует подчеркнуть, что северо-

⁷² Зубар В.М. З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV – початку III ст. до н.е. // Археологія. 1990. № 1. С. 44.

⁷³ Карышковский П.О. Древнейшая ольвийская проксения херсонесца (НО, № 3 + 12) // ОАМ АН УССР 150 лет. Тез. докл. Киев, 1975. С. 126 сл.

⁷⁴ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 119–121; Зубар. З історії... С. 43–46.

⁷⁵ Кутайсов. Античный город... С. 153.

⁷⁶ Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 14–19.

⁷⁷ Кутайсов. Античный город... С. 152; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 322.

⁷⁸ Кутайсов. Античный город... С. 148; ср. Колесников. Ук. соч. С. 19 сл.

⁷⁹ Ольховский В.С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 31; он же. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии. М., 1991. С. 19. Рис. 2.

⁸⁰ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в.). Киев, 1997. С. 44 сл.; Виноградов, Щеглов. Ук. соч. С. 326; Кутайсов. Античный город... С. 154 сл.

⁸¹ Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV–III вв. до н.э. // НЭ. 1970. Т. 8. С. 6; Кутайсов. Античный город... С. 154 сл.

⁸² Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 96 сл.

причерноморский хлеб обменивался не на серебро, как египетский, а на продукцию ремесленного производства, что было более выгодно и стимулировало не только торговлю, но и работу гераклейских мастеров на внешний рынок⁸³. Это, по всей вероятности, и явилось побудительным мотивом усиления интереса Гераклеи к Херсонесу и плодородным землям в Северо-Западном Крыму⁸⁴. В этом отношении примечательно, что широкая экспансия Херсонеса в этот район началась лишь после значительного притока сюда людских ресурсов именно из Гераклеи Понтийской, так как своими собственными силами сравнительно небольшой полис не мог освоить столь значительный земельный фонд⁸⁵. Видимо, можно согласиться с тем, что, помимо людских ресурсов, Херсонесу помог гераклейский флот, без участия которого военные действия херсонеситов были обречены на неудачу⁸⁶. Участие Гераклеи в боевых действиях на стороне Херсонеса и Керкинитиды в Северо-Западном Крыму и их победоносное завершение, которое есть все основания относить к середине IV в. до н.э., вероятно, решило не только проблему поставки хлеба, но и позволило отчасти снять социальную напряженность, которая, по сообщению Помпея Трога, возникла в 360-х годах до н.э., когда демос Гераклеи Понтийской выступил с требованиями передела земли и кассации долгов (Justin. XVI. 4)⁸⁷. Исходя из этого, можно констатировать, что около середины IV в. до н.э. Херсонес и Керкинитиды при поддержке Гераклеи Понтийской одержали в Северо-Западном Крыму значительную военную победу, вероятно, над скифами, после которой и началось бурное строительство разнотипных сельскохозяйственных поселенческих структур и к концу IV в. до н.э. весь Северо-Западный Крым превратился в житницу Херсонеса, а сам полис стал центром обширного территориального государства⁸⁸.

Возвращаясь к гипотезе А.Н. Щеглова о «неизвестной войне», следует отметить, что сейчас нет решительно никаких данных, позволяющих с уверенностью говорить о херсонесско-ольвийском вооруженном конфликте за Северо-Западный Крым. Следы разрушений, археологически зафиксированные около середины IV в. до н.э. на поселении Панское I, сами по себе еще не говорят о херсонесско-ольвийском вооруженном конфликте. Более того, один уникальный источник, обнаруженный при раскопках поселения Панское I, прямо противоречит этому. В 1986 г. в зольнике, насыпанном над одной из башен раннего, разрушенного около середины IV в. до н.э. укрепления Панское I, был обнаружен фрагмент чаши с граффито⁸⁹. По определению Ю.Г. Виноградова, это граффито представляло собой выписку из ольвийской псефизмы в честь двух афинян, которая, по уточненным данным, датируется 340–330-ми годами до н.э.⁹⁰ Трудно согласиться с тем, что эта находка уточняет время ольвийско-херсонесского вооруженного конфликта, так как граффито обнаружено в зольнике, возникшем на месте башни разрушенной к тому времени крепости, она свидетельствует лишь о том, что в составе жителей неукрепленного поселения, возникшего на руинах более ранней крепости, продолжали жить ольвиополиты или выходцы с территории Нижнего Побужья. С другой стороны, ольвийское укрепление Панское I погибло в ходе военных действий в Северо-Западном Крыму, а затем на его месте возникло неукрепленное поселение, генетически связанное с населением предшествующего времени. Более того, в последней трети IV в. до н.э. здесь была построена коллективная усадьба, как типологически, так и функционально аналогичная

⁸³ *Нейхард А.А.* Рабство в греческих городах южного побережья Понта // Рабство на периферии античного мира. Л., 1986. С. 130.

⁸⁴ *Золотарев М.И.* Два типа редких монет Феодосия IV в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 1. С. 91, 92.

⁸⁵ *Зубар.* З історії... С. 43, 44.

⁸⁶ *Кутайсов.* Античный город... С. 156.

⁸⁷ *Сапрыкин.* Гераклея... С. 102.

⁸⁸ *Виноградов, Щеглов.* Образование... С. 310–371; *Зубар.* З історії... С. 46–50.

⁸⁹ *Щеглов А.Н.* Раскопки в Северо-Западном Крыму // АО за 1986 г. М., 1988. С. 354.

⁹⁰ *Виноградов Ю.Г.* Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса, 1989. С. 17–19.

памятникам сельскохозяйственной округи Ольвии в Нижнем Побужье. Все это позволяет заключить, что после бурных событий середины IV в. до н.э., связанных с вооруженной борьбой греков с кочевыми скифами, в освоении Северо-Западного Крыма наряду с выходцами из других регионов античного мира⁹¹ приняла участие какая-то часть жителей из Нижнего Побужья. Трудно сказать, с какими событиями ольвийской истории связано появление в Северо-Западном Крыму коллективной усадьбы не характерного для херсонесской хоры типа. Однако, учитывая бурные события, связанные с походом Зопириона, можно предположить, что часть населения Нижнего Побужья переселилась в Северо-Западный Крым в связи с угрозой, нависшей над Ольвийским государством, или же после отражения агрессии. Оторванность этой, видимо, количественно небольшой группы выходцев из Нижнего Побужья от Ольвии, с одной стороны, и мощный херсонесский импульс, которым сопровождалось освоение Северо-Западного Крыма, – с другой, привели к постепенному вытеснению ионийских черт культуры его населения дорийскими. В результате уже к концу IV в. до н.э. материальная культура обитателей поселения Панское I стала составной частью единой культуры Херсонесского государства, что достаточно хорошо прослежено археологически⁹².

Таким образом, следует подчеркнуть, что коллективные усадьбы в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму свидетельствуют о наличии на хоре Ольвии и Херсонеса в раннеэллинистическое время зависимого населения типа илотов. По ряду признаков эта социальная группа должна рассматриваться как население, подвергавшееся специфической форме эксплуатации, отличной от рабства классического типа⁹³. Однотипность коллективных усадеб в Северо-Западном Крыму и Нижнем Побужье в раннеэллинистическое время, а также приведенные материалы и соображения свидетельствуют об участии выходцев с территории Ольвийского государства в освоении Херсонесом новых плодородных земель. Не исключено, что именно в это время был заложен фундамент тесных взаимоотношений между Ольвией и Херсонесом, который так ярко прослеживается по более поздним источникам⁹⁴.

В.М. Зубарь

ON THE ATTRIBUTION OF COLLECTIVE COUNTRY-ESTATES OF THE EARLY HELLENISTIC PERIOD

V.M. Zubar

The article deals with the analysis of the construction and attribution of the collective country-estates discovered in the chora in the course of archaeological exploration of the Panskoye I settlement in the North-Western Crimea and the Didova Khata settlement in the Lower Boug area. On the basis of the character of the construction remains, archaeological materials and layout of the monuments under consideration the author comes to the conclusion that at present the collective country-estates should be regarded as the place of residence of certain groups of dependent, highly hellenized local population who by their social status was akin to the Helots, subject to a specific form of exploitation different from classical slavery. The existence of similar monuments in the North-Western Crimea and the Lower Boug area in the early Hellenistic period along with other data enabled the author to conclude that there had been no armed conflict between Chersonesus and Olbia in the mid IV c. B.C. On the contrary emigrants from the territory of the Olbian state took part in the cultivation of the fertile lands in the North-Western Crimea together with the population from Chersonesus. All the sources available at the moment testify to the fact that it is in the mid IV c. B.C. that the foundation of close friendly relations between those states was laid and it can be traced in the III–II c. B.C.

⁹¹ *Зубарь. З історії... С. 46–47.*

⁹² *Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 123–125; Зубарь. З історії... С. 50.*

⁹³ *Подробнее см. Зубарь. Херсонес Таврический... С. 69–75.*

⁹⁴ *Руслева. Економічні... С. 7–13; Виноградов. Политическая история... С. 184–188.*